Человек в безлюдной арке

Автор:

Валерий Шарапов

Человек в безлюдной арке

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Лето 1945 года. За короткий срок в Москве совершено четыре похожих убийства. Все жертвы, мужчины примерно одного возраста, убиты точным ударом ножа в шею и ограблены. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков уверены, что искать нужно матерого преступника, имеющего специальную подготовку. Не исключено, что это фашистский диверсант, затаившийся в нашем тылу... Выйти на след убийцы оперативникам помогает небольшая семейная реликвия, ставшая настоящим проклятьем старинного дворянского рода...

Валерий Шарапов

Человек в безлюдной арке

© Шарапов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Москва; 16 сентября 1933 года

В будние дни большая квартира семьи Протасовых пустовала: Егор Савельевич трудился на оборонном предприятии, его супруга Лидия Николаевна преподавала в музыкальном училище. Дети, Анна и Михаил, посещали занятия в отдельных школах.

К вечеру в квартиру постепенно возвращалась жизнь. Правда, к позднему часу брат с сестрой успевали растратить излишки энергии и вели себя спокойно. Зато в выходные и праздники все менялось: занятий в школах не было, и дети либо отправлялись во двор, либо носились по квартире. Во второй половине дня съезжались гости, квартира тотчас наполнялась шумом, смехом, весельем...

В субботу 16 сентября шумно стало с самого утра – Анне в этот день исполнялось тринадцать лет. Егор Савельевич отправился на рынок за продуктами, Лидия Николаевна суежилась на кухне. Именинница надела самое красивое платье и порхала между кухней и гостиной в приподнятом настроении.

Десятилетний брат Михаил ее веселья не разделял и, насупившись, сидел в своей комнате за столом. Он привык находиться в центре всеобщего внимания, быть объектом обожания и любви, а сегодня внимание, обожание и любовь были адресованы ненавистной старшей сестре.

Рисовать совсем не хотелось, тем не менее Мишка изобразил на листе бумаги фигурку с длинными распущенными волосами и стал энергично чиркать по ней карандашом.

– Вот тебе, Анка! Вот тебе! Получай!.. – твердил он.

Фигурка, конечно же, олицетворяла сестру Анну. Их отношения не заладились с момента Мишкиного осознания бытия на этом свете. При всем желании он не сумел бы припомнить случая, когда мысли о сестре вызвали бы у него прилив нежности и тепла. Только ненависть и желание причинить боль. Родители любили обоих, но младшему, как водится, любви доставалось больше. Однако ему все равно казалось, будто от него что-то скрывают, будто старшая Анька всегда на шаг ближе к отцу и к матери.

Переборщив со злостью, Мишка порвал карандашом бумагу, отчего на деревянной столешнице остался длинный грифельный след. Это добавило еще

одну порцию ненависти к сестре. И когда она заглянула к нему в комнату, он, не раздумывая, пулънул в нее карандашом. Фыркнув, Анна демонстративно развернулась и исчезла в коридоре...

* * *

Глава семьи – инженер Егор Савельевич Протасов – был потомком русского дворянина, действительного тайного советника, сенатора, масона Александра Павловича Протасова, жившего в Москве в первой половине девятнадцатого века. Предок Егора Савельевича слыл человеком знатным, влиятельным и богатым. Было бы странно, если бы карательные органы молодой Советской власти упустили бы из виду одного из представителей известного дворянского рода, странным образом уцелевшего и дожившего до 30-х годов двадцатого века.

На самом деле никто Егора Савельевича из виду не упустил. Напротив, за каждым его шагом, а также за каждым шагом членов его семьи осуществлялся постоянный контроль.

Поведение Протасовых нареканий не вызывало. Более того, Егор Савельевич состоял на должности главного инженера одного из важнейших оборонных предприятий столицы. Предприятие выпускало моторы для новейших самолетов страны Советов. Моторов требовалось много, предприятие справлялось и даже опережало поставленные Партией и Правительством планы. И покуда деятельности инженера Протасова сопутствовал успех, ворошить судьбы его предков никто не собирался.

* * *

Маятник больших напольных часов, стоящих в углу гостиной, равномерно отсчитывал секунды. Егор Савельевич давно вернулся из похода по магазинам. Лидия Николаевна приготовила несколько шикарных праздничных блюд, включая любимые детьми молочный кисель, творожную запеканку и пирог со сладкой черемухой. Именинница помогла маме накрыть большой овальный стол в гостиной и расставить вокруг него стулья. Стол вышел на загляденье: фужеры и белоснежные тарелочки разной величины, блестящие приборы на салфетках, вазочки с фруктами и конфетами, разноцветные бутылки с лимонадом,

крюшоном, крем-содой...

Когда в прихожей раздался звонок, все было готово к началу торжества. Мама проворно сняла фартук и кивнула дочери:

– Встречай, Аннушка.

Та кинулась в прихожую, открыла дверь. И тотчас квартиру заполнили радостные голоса подружек и их родителей...

Вскоре эпицентр праздника переместился за стол. Именинницу наперебой поздравляли одноклассницы и подружки, им вторили их родители. И только брат Михаил, насупившись, ковырял ложкой праздничный салат. Изредка он поворачивал голову вправо и с завистью смотрел на приземистую тумбочку, стоящую рядом с высоким кожаным диваном. Тумбочка была завалена подарками, и все они предназначались сестре. Мишке не подарили ни одного. Хоть бы из жалости и сострадания кто-нибудь догадался преподнести ему кулек шоколадных конфет или железную машинку! Увы, все куклы, плюшевые игрушки, платица и прочие девчачьи радости теперь принадлежали ненавистой Анке.

Мишка долго и старательно терпел несправедливость. А когда мама поставила перед ним тарелочку с куском пирога, тихо прошептал:

– Ладно, Анка. Когда-нибудь я это тебе припомню...

«Когда-нибудь» наступило совсем скоро. После застолья Лидия Николаевна и Анна по просьбе гостей сыграли на фортепиано несколько музыкальных произведений, после чего взрослые остались в гостиной, а дети переместились в комнату именинницы. Затем гости попрощались и стали расходиться...

* * *

– Что происходит?! Вы опять за старое?! Немедленно прекратите! – строго скомандовал Егор Савельевич.

Анна моментально подчинилась, а вот Михаила пришлось оттаскивать от сестры за шкуру. Он мычал и в бессильной злобе махал кулаками, пытаясь достать именинницу.

С кухни прибежала Лидия Николаевна. Вытирая о фартук мокрые руки, она испуганно уставилась на детей. Узнав об их очередной ссоре, мать без сил опустилась на диван и заплакала...

– Как вам не стыдно? – покачал головой Егор Савельевич. – Две недели назад вы дали нам слово, что больше не будете ссориться. И вот опять. Ненадолго же вас хватило.

– Я его не трогала, – всхлипнула расстроенная Анна. – Он весь день на меня злится непонятно за что!

– А чего она!.. – воскликнул было Мишка.

Но отец не стал слушать оправдания.

– Вот что. Приведите себя в порядок и через пять минут зайдите в мой кабинет, – отчеканил он. Тронув за плечо супругу, мягко добавил: – Лида, и ты, пожалуйста, зайди...

* * *

Руководство авиадвигательной промышленности Советского Союза высоко ценило инженерный талант Егора Савельевича. Начинать он свой путь с ученика в небольшой жестяной артели, затем работал в токарном и кузнечном цехах большого завода, по вечерам учился. блестяще сдав экзамены, стал инженером.

Егор Савельевич по-настоящему любил свое дело и отдавал ему все свободное время. Семья и ее благополучие, разумеется, находились на первом месте, а на втором и на всех последующих местах стояла работа. Пока молодожены снимали угол в коммунальной квартире, у Егора возле окна стоял письменный стол, где он изучал мудреную техническую литературу, где возился с чертежами и макетами моторов.

В маленькой комнатухе семья ютилась долго – даже рождение дочери не повлияло на решение жилищного вопроса. Но стоило Егору Протасову получить назначение на должность главного инженера моторостроительного завода, как власть тут же проявила к нему благосклонность. Семья переехала в отдельную квартиру, расположенную на третьем этаже старого добротного дома в тихом центральном районе столицы. По сравнению с прежним жильем это были царские хоромы. Квартира оказалась настолько удобной и просторной, что Егор Савельевич запросто разместил в ней рабочий кабинет. Помимо кабинета в ней были кухня, гостиная с новым фортепиано, спальня и две небольшие детские комнаты.

Свой кабинет Егор Савельевич обустроил с любовью и даже с некоторым размахом. По одной глухой стене он соорудил от пола до потолка стеллаж и полностью заставил его книгами, хранившимися доселе в бесчисленных стопках. По другой стене стоял рабочий стол с зеленой настольной лампой и письменным прибором. А ближе к окну он притулил небольшой верстачок с тисками и необходимыми слесарными инструментами. Это было его хобби.

* * *

В другой раз Мишка ни за что бы не покинул свою комнату. Так и сидел бы, насупившись, за столом, рисуя ненавистную сестрицу и чиркая ее карандашом. Такие обиды, какую он вытерпел сегодня, он не прощал долго. Шмыгал бы носом, глотал бы собственные слезы, но оставался в гордом одиночестве вместо того, чтобы пить чай и уминать вкусный пирог со сладкой черемухой.

Но папа приказал привести себя в порядок и зайти к нему в кабинет. Деваться было некуда. Ополоснув лицо и надев чистую рубашку, Мишка поплелся в коридор...

– Смелее, смелее, – подбодрила его мама.

В кабинете друг за другом появились Анна и Михаил. Лидия Николаевна вошла последней, тихо притворив за собой дверь.

Егор Савельевич в задумчивости стоял возле верстака. Темный выходной костюм и белая сорочка с полосатым галстуком смотрелись на фоне слесарных

инструментов несколько необычно. Он редко ругался и еще реже повышал голос на своих детей. Наверное, поэтому дети ужасно боялись его недовольства.

Одной рукой Егор Савельевич опирался на край верстака, другую почему-то прятал за спиной. Лицо его при этом оставалось спокойным и даже добрым.

– Анна, Михаил. И ты, Лидия, – начал он с той же торжественностью, с которой недавно поздравлял за столом дочь. – Я пригласил вас в свой кабинет, чтобы познакомить с недавно законченной работой.

Немного развернувшись к свету, глава семьи показал то, что было спрятано за его спиной.

– Ух ты! – зачарованно прошептал Мишка.

– Какая прелесть! – всплеснула руками Анна.

На ладони отца в лучах вечернего солнца сияла отполированной поверхностью бронзовая фигурка высотой сантиметров десять-двенадцать.

– Это же лев? – справилась супруга.

– Лев, – кивнул Егор Савельевич. – Но непростой.

– А можно посмотреть? – наперебой загалдели дети.

Отец остановил их твердым жестом:

– Я еще не закончил. Видите, на поверхности бронзового льва мелкий текст?

– Да, видим, – ответила за себя и за брата Анна.

– Его можно прочитать лишь в том случае, когда лев полностью собран.

– А разве он разбирается? – изумленно спросил Мишка.

Вместо ответа Егор Савельевич произвел несколько понятных только ему манипуляций, после чего красивый лев распался на отдельные бронзовые части. На каждой виднелся соответствующий вензель.

Первую деталь с витиеватой буквой «М» он подал сыну. Вокруг буквы красиво рассыпались узоры из ветвей и листьев.

– Это спичечница – очень полезная для настоящего мужчины штука. Держи. Она твоя.

Дочери он протянул зеркальце с ручкой, на обратной стороне которого виднелась буква «А».

– Спасибо! Я давно о таком мечтала! – прошептала Анна, чмокнув отца в щеку.

– Тебе, Лидия, заколка для волос.

Приняв подарок с буквой «Л», супруга благодарно улыбнулась.

– Ну а мне достается зажим для галстука, – сказал Егор Савельевич и прищепил им свой галстук к белоснежной сорочке. На зажиме красовалась буква «Е».

Бронзовый лев настолько заинтересовал брата и сестру, что они напрочь позабыли о размолвке. Досконально изучив свои части, они принялись осматривать мамину заколку.

– Папа, а что написано на собранном льве? – наконец подняла взгляд Анна.

Отец спрятал зажим в карман и присел в небольшое кресло сбоку от верстака.

– Об этом я и хотел с вами поговорить.

Брат с сестрой поняли, что разговор еще не окончен, и, собрав волю в кулак, отвлеклись от только что полученных подарков.

– Вы уже не маленькие. Тебе, Миша, десять лет. Анне сегодня исполнилось тринадцать. Я могу с вами общаться, как со взрослыми людьми?

Папа впервые произнес подобные слова, это насторожило.

– Да, – снова за обоих ответила Анна.

– Тогда наберитесь терпения и внимательно послушайте меня...

* * *

Завладев вниманием детей, Егор Савельевич коротко, но очень красочно изложил историю дворянского рода Протасовых. Мишка с трудом понимал, что к чему. Зато Анна слушала, затаив дыхание.

– Я очень прошу вас никому не рассказывать о том, что вы – потомки знатного рода, – закончил отец. – Это очень серьезно и касается безопасности всей нашей семьи. Также лучше помалкивать и о бронзовом талисмানে. Поняли?

Анна кивнула, а Мишка вдруг вспомнил про надпись.

– А что же написано на льве, па-апа? – заныл он.

– Во-первых, вам надлежит знать, что на гербе нашего рода изображен лев. Поэтому талисман изготовлен именно в таком виде. Во-вторых, надпись на бронзовом льве не простая. Прочитав ее, вы узнаете тайну дворянского рода Протасовых.

– Тайну?! – хором удивились дети. – Давайте его снова соберем!

– Мы обязательно соберем льва, но произойдет это в тот день, когда младшему из вас исполнится восемнадцать лет.

Мишка поначалу ничего не понял, а сестра его, быстро произведя в уме подсчеты, по-мальчишески присвистнула и разочарованно протянула:

– У-у-у... Это случится аж через восемь лет. В одна тысяча девятьсот сорок первом году...

– Да, не скоро, – согласился Егор Савельевич. – Однако тайна того стоит. И я очень надеюсь, что ожидание этого значительного события сдружит вас и заставит позабыть разногласия. Ну, как, договорились?

Дети дружно закивали и, взявшись за руки, покинули кабинет.

– Ты не поторопился с рассказом о дворянском происхождении? – тихо спросила Лидия Николаевна, оставшись наедине с мужем.

– Анна – разумная девочка и достаточно взрослая.

– Зато Миша взрослеть не торопится.

– Вот я и решил ускорить этот процесс.

– Как? – улыбнулась супруга.

– Мальчишкам в его возрасте очень важно знать о каком-нибудь секрете. Это добавляет серьезности, заставляет размышлять и контролировать себя.

– Дай-то бог...

Детей не было слышно до позднего вечера. Уединившись в комнате Анны, они изучали бронзовые зеркальце и спичечницу. Дважды Миша подходил к матери и просил на несколько минут ее новую заколку. Но, как и предупреждал отец, прочитать текст, не имея всех частей талисмана, было невозможно.

Глава первая

Москва; июль 1945 года

- ...Ничего не понимаю. Ты же старший группы.

- Ну.

- Почему он вызвал нас двоих, а не одного тебя?

Постукивая тростью по ступеням центральной лестницы, Иван Старцев тяжело поднимался на второй этаж Управления Московского уголовного розыска.

- Думаю, приглянулась ему твоя работа, - предположил Иван. - Ты в группе без году неделя, а погляди, сколько хороших идей по нашим оперативным мероприятиям подкинул...

Да, Александру Василькову определенно везло в разработке нашумевших уголовных преступлений. Хотя, по правде говоря, дело было не в везении. Во-первых, Сашке помогал немалый опыт фронтового разведчика и сопутствующие опасной профессии черты характера: внимательность, вдумчивость, способность к анализу, богатая фантазия. Во-вторых, у Василькова имелся тот самый пресловутый «свежий взгляд» человека, пришедшего в закрытую систему со стороны. В МУРе, безусловно, работали лучшие московские сыщики, но даже они порой привыкали к штампам в работе, и глаз попросту замыливался. В-третьих, Александр имел огромное желание освоить новую профессию. После неудачного дебюта в слесарном цеху номерного завода работа сотрудника уголовного розыска показалась ему нежданно свалившимся счастьем. Не хотелось Василькову его терять, потому он и старался поскорее влиться в коллектив сыщиков.

- Побаливает? - заметил он гримасу боли на лице друга.

- Со вчерашнего вечера тянет, - кивнул Иван. - Будто жилы в щиколотке укоротились...

Не торопясь, они дошагали до кабинета комиссара Урусова, вошли в приемную.

- Вас ждут, - кивнул добродушный и довольно бестолковый капитан Коростелев.

Старцев заглянул в кабинет:

– Разрешите?

– Да-да, – оторвался от чтения блокнота комиссар. – Проходите, присаживайтесь...

Сотрудники оперативно-разыскной группы сели напротив большого начальственного стола. Иван привычно пристроил тросточку между колен. Все три окна большого кабинета были открыты; залетавший с улицы душный воздух, оглаживая, колыхал складки тяжелых портьер.

– Я вот по какому поводу вас вызвал, товарищи. – Урусов листал страницы своего пухлого рабочего блокнота. Отыскав нужную, он разгладил ее и спросил: – Убийством в Щипковском переулке вы занимались?

– Так точно, – по-военному ответил Старцев. – Два дня назад передали документацию по делу группе подполковника Фурцева.

– Каковы общие впечатления о преступлении?

Вопрос показался странным. С чего бы комиссару третьего ранга интересоваться заурядным убийством? Подобных преступлений в послевоенной Москве совершалось много. Слишком много.

Переглянувшись с Александром, Иван ответил:

– Обычное дело – убийство с целью ограбления. Совершено немногочисленной группой от одного до трех человек. Засели в подворотне, дождались одинокого прохожего и напали. Один из бандитов нанес жертве удар ножом в шею. Сверху вниз.

Иван коротким энергичным движением наглядно показал направление.

– Мы с Александром Ивановичем уверены: от такого удара жертва погибла мгновенно. Далее бандиты обшарили карманы убитого и были таковы, – закончил Старцев.

– Какие-то особенности при осмотре отметили?

Васильков дольше всех изучал убитого, поэтому ответил сам:

- Убитый мужчина был одет очень скромно. Обувь, брюки, рубашка, пиджак – все старое, сильно поношенное. Сам мужчина небрит, под глазом следы старой гематомы. И еще довольно сильный запах.

- Алкоголь?

- Так точно.

- Преступники никаких следов не оставили? – уточнил комиссар.

- Ничего, кроме нескольких окурков в подворотне.

- Что же они предпочитают курить?

И снова настойчивость Урусова озадачила оперативников. «Какого черта? – недоумевал Старцев, вопросительно посматривая на Василькова. – Если у комиссара появились свежие сведения по этой банде, так не проще ли поделиться ими?..» Васильков тоже не понимал странного интереса комиссара.

- Курят они овальные сигареты Московской табачной фабрики № 1, – ответил Иван.

- «Дукат»?

- Так точно.

- Знать, не бедствуют, негодяи, – проворчал Урусов и, перевернув несколько страниц блокнота, наконец перешел к делу: – Не совсем обычным, товарищи, представляется мне это убийство в Щипковском переулке.

Оперативники удивленно смотрели на начальство.

- Видите ли, – продолжал комиссар, – Щипковский переулок – лишь один эпизод из четырех всплывших за последние три недели. Изучая отчеты руководителей

оперативно-разыскных групп, я заметил некие схожие детали. Вот, ознакомьтесь с недостающими, так сказать, звеньями...

Он пододвинул к краю стола три картонные папки. Старцев с Васильковым взяли по одной и принялись читать...

* * *

Оперативно-разыскная группа майора Старцева по праву считалась в Московском уголовном розыске одной из лучших. Ее костяк сложился еще накануне войны, когда в ее составе числились матерые сыскари, а руководил ими ветеран МУРа майор Прохоров. Иван влился в группу осенью сорок третьего, закончив лечение после тяжелого ранения под Рыльском. Так сложилось, что всего через год – после ухода на повышение Прохорова – он остался едва ли не самым опытным сотрудником. Недолго думая, Урусов назначил Старцева старшим группы.

Роста Иван был небольшого, но ловкость и силу имел немалые. Чуть простоватый, но хваткий, понятливый, практичный. Этаким «деревенский парнишка с широкой костью». Примерно так подумал о нем Васильков, впервые повстречав на фронте. Однако родился и вырос «деревенский парнишка» в Москве. Сначала семья жила на юго-западе в небольшом рабочем поселке, потом переехала поближе к центру, благодаря чему Иван стал учиться в хорошей школе. Получив аттестат с неплохими оценками, он с первой попытки поступил в Подольское военное артиллерийское училище.

Войну Старцев встретил с двумя кубарями в петлицах, командуя огневым взводом. При обороне Москвы его батарея стояла насмерть, в одном из боев он получил тяжелое ранение. После госпиталя, в суете и неразберихе, его определили в пехотный полк. Он пытался вернуться в родную артиллерию, да где там: время было жесткое – куда назначили, там и служи. Иван никогда не отчаивался, не падал духом и уже через несколько месяцев за проявленную отвагу и находчивость был переведен в разведку. Там судьба и свела его с Александром Васильковым.

В 1943 году темной летней ночью разведгруппа возвращалась после выполнения задания в тылу противника. До своих окопов оставалось совсем ничего – ползком преодолеть минное поле. Вокруг шарили лучи немецких прожекторов, позади

басовито огрызались пулеметы. За сотню метров до первой линии советских окопов пулей зацепило бойца; катаясь и скрипя зубами от боли, тот задел растяжку. Бахнул взрыв, осколком серьезно повредило ногу Старцеву, бросившемуся на помощь товарищу.

В госпитале врачи хотели ампутировать покалеченную ступню, но один из хирургов взялся собрать ее по кусочкам. И у него это получилось. Два месяца Иван провалялся на госпитальной койке, ежедневно разрабатывая ногу и надеясь вернуться в строй. Однако при выписке строгая комиссия его все-таки забраковала.

Имея нестигаемую натуру, комиссованный из армии Старцев не сдался – не запил, в сторожа или кочегары не подался. Когда поджившая нога позволила поменять костыли на тросточку, он надел отглаженную форму с орденами, с двумя золотыми нашивками за тяжелые ранения и отправился на прием к начальнику Московского уголовного розыска. Тогда, в 1943-м, эту должность занимал комиссар милиции третьего ранга Рудин – умница, интеллигент и просто золотой человек. Иван объяснил ему ситуацию. Тот внимательно изучил документы, пролистал партбилет, расспросил, в какой должности и в каком звании воевал, в каких участвовал операциях. Не позабыл спросить и про ранения. Затем вызвал начальника отдела кадров и передал Старцева в его распоряжение. Таким незамысловатым образом Иван и попал на Петровку, 38. В Уголовном розыске он быстро набрался опыта, дорос до руководителя оперативно-разыскной группы, получил майорские погоны.

У Сашки Василькова судьба сложилась иначе. Он командовал дивизионной разведкой до Победы: отправлял группы разведчиков в тыл врага, готовил молодежь на замену выбывших из строя, да и сам продолжал хаживать в поиск за «языками». Закончил войну Александр в Германии. Командование уговаривало его остаться, предлагало поехать на учебу в академию. Все-таки высшее образование, огромный боевой опыт, безупречная репутация, партбилет, награды. Но он отказался, желая поскорее вернуться к мирной жизни и к своей сугубо гражданской профессии геолога.

Приехав в Москву, Васильков уже через пару дней наведался в Московское государственное геологическое управление, из которого призывался в армию. Но, увы, сотрудники управления еще не вернулись из Семипалатинска, куда были эвакуированы в начале войны. Пришлось искать другую работу. В итоге он устроился слесарем на крупный номерной завод.

Вероятно, Александр до сих пор стоял бы у слесарного верстака, точил бы детали. Но в один из вечеров после тяжелой рабочей смены он решил заглянуть в шумный и прокуренный пивной павильон. Среди пьяного люда, в сизой табачной пелене, к величайшему своему удивлению, он увидел Ивана Старцева.

В тот же вечер Васильков узнал о его госпитальных злоключениях, о службе в МУРе. Тогда же получил от фронтового товарища предложение попробовать себя в уголовном розыске. И тогда же, не раздумывая, дал согласие...

* * *

Ознакомившись с документами из трех картонных папок, Старцев с Васильковым были вынуждены согласиться: почерк преступников один и тот же. Суть оперативной информации состояла в следующем: за последние три недели совершено в общей сложности четыре странных преступления. Некто выслеживает и убивает с целью ограбления мужчин в возрасте от двадцати пяти до тридцати шести лет. Преступления осуществляются одним и тем же человеком или немногочисленной бандой в составе двух-трех человек. Все убийства – словно под копирку: нападают сзади и бьют ножом в шею сверху вниз. Фамилии погибших: Зайцев, Дробыш, Величко, Винокуров. География преступлений ограничена Москвой и ближним Подмосковьем. Убитые были одиноки, проживали в разных районах.

При осмотре тел оперативники обратили внимание на неопрятный вид и отчетливый запах алкоголя. По документам до 1942 года все погибшие находились либо на фронте, либо в эвакуации. Зайцев, Дробыш и Величко имели инвалидность. Точнее – «белые билеты» с категорией «Д» (не годен, освобожден от призыва и воинской обязанности навсегда). Первый страдал частыми припадками эпилепсии. У второго после серьезного ранения одна нога была короче другой на несколько сантиметров. У третьего на правой руке отсутствовали три пальца. Винокуров избежал призыва, так как был высококлассным токарем и обзавелся «бронью». Это объясняло их нахождение в тылу во время войны.

– Значит, банда действует уже три недели, – задумчиво проговорил Старцев, покручивая вправо-влево зажатую меж коленок трость. – А мы-то полагали, что это – дело рук залетного.

– Судя по всему, промышляет кто-то из местных. И почерк преступлений, как вы верно подметили, один и тот же, и везде фигурируют окурки овальных сигарет Московской табачной фабрики № 1.

Урусов машинально достал из лежащей на столе пачки папиросу и, глядя в распахнутое окно, принялся ее разминать...

Иван с Александром молча наблюдали за ним, не решаясь прервать образовавшуюся паузу. Выглядел Урусов уставшим, невыспавшимся. Будучи неплохим профессионалом, прошедшим все ступени от заведующего делопроизводством Тюменского окружного уголовного розыска до начальника МУРа, он держал в памяти все громкие преступления и контролировал проводимую по ним оперативно-разыскную работу. Помимо этого он несколько раз в неделю ездил на совещания к начальнику Уголовного розыска Советского Союза комиссару милиции Овчинникову, к начальнику УНКВД Московской области комиссару госбезопасности Журавлеву, в Московский горком партии, в Моссовет, в центральные партийные и советские организации... Дел хватало. А вот времени на отдых, на восстановление сил и лечение – увы.

Очнулся Урусов лишь после того, как лопнула тонкая папиросная бумага и табак просыпался на зеленое сукно. Вытащив другую папиросу, комиссар закурил. Собирая просыпанный табак в пепельницу, поинтересовался:

– Чем сейчас занята ваша группа?

– Капитан Егоров и старший лейтенант Горшеня готовят к сдаче документы по делу банды Елисеева. Остальные по вашему приказу занимаются сортировкой документов прибывших в Москву граждан, – отчитался Старцев.

Борьба с преступностью в послевоенные месяцы была значительно осложнена массовой миграцией населения. Люди ехали в столицу и через нее со всех концов – возвращались репатрианты, демобилизованные из армии, из эвакуации. Сотрудники милиции, уголовного розыска и госбезопасности работали по четырнадцать часов в сутки, чтобы просеять этот поток и не пропустить замаскированных преступных элементов.

– Тогда вот что, товарищи, – подвел итог комиссар. – Берите-ка в разработку эту новую банду. Изучите все материалы и представьте мне план по ее

нейтрализации и уничтожению...

Глава вторая

Москва; 21–22 июня 1941 года

В эту июньскую пятницу погода выдалась неважной: солнце лишь изредка прорывалось сквозь тонкий слой облаков, тащившихся из-за Москвы-реки; моросил мелкий дождь, порывистый ветер срывал с ветвей молодые зеленые листья.

Впрочем, Протасовым было не до погоды. Семейство с самого утра готовилось к большому празднику – завтра, в субботу, Михаилу исполнялось восемнадцать. По случаю предстоящего совершеннолетия своего сына постаревший на восемь лет Егор Савельевич уехал с работы на два часа раньше, чтоб заглянуть на рынок и закупить нужные продукты. Он продолжал трудиться главным инженером на крупном оборонном предприятии. За прошедшие годы в его жизни почти ничего не изменилось, разве что прибавилось седины в волосах да появился служебный автомобиль.

Лидия Николаевна, как всегда, суежилась на кухне. Она также не захотела менять свою жизнь и по-прежнему работала педагогом в музыкальной школе. Возраст не испортил ее внешность: самую малость раздавшись в бедрах, она по-прежнему была статной и привлекательной женщиной. Лидия настойчиво обучала своих детей музыке, но те оставались к искусству холодны. Несмотря на прекрасный музыкальный слух, Анна выбрала другую стезю и поступила в медицинский институт. Михаил вообще не подходил к фортепиано, предпочитая изредка брэнчать в своей комнате на гитаре.

Повзрослевшая и похорошевшая Анна в этот день решила помочь матери с приготовлениями. Она накрыла скатертью большой стол в гостиной, вынула из серванта посудный сервиз на двенадцать персон, перемыла все предметы, расставила их на столе, разложила приборы...

Михаил по просьбе мамы прибирался в квартире. Он тоже возмужал, раздался в плечах. Ростом, правда, не вышел – макушка дотягивалась только до отцовского плеча, но мама говорила, что до двадцати пяти лет он обязательно вытянется до 170 сантиметров.

В школе недавно закончились выпускные экзамены. Учиться было непросто, педагоги были строги и требовательны – по результатам прошлогодних испытаний двух пацанов из класса оставили на второй год, а трех обязали пройти повторные испытания осенью. Мишка поднатужился, сдал все предметы с первого раза, и отныне сидеть в комнате за уроками ему уже не требовалось. Тем не менее до статуса «именинника» оставалось еще целых шесть часов. Так что воспользоваться им или сослаться на занятость не получалось. Пришлось вооружиться веником и подметать в большой квартире пол.

Завтрашний день – 21 июня – был примечательным. Во-первых, Мишке исполнялось восемнадцать. Во-вторых, в шестнадцать ноль-ноль в его школе начинался торжественный вечер выпускников. С одной стороны, юношу это здорово расстраивало – празднование дня рождения выходило скомканным и поспешным. Ведь гостей пришлось приглашать на полдень, словно это был утренник для сопливых карапузов. В-третьих, после многолетнего мучительного ожидания наступал заветный момент, когда в его руках окажется недостающая четвертая деталь – отцовский зажим для галстука. Получив его, Мишка тотчас соберет талисман и наконец узнает тайну дворянского рода Протасовых.

Поэтому злиться и не получалось. Подумаешь, заставили убираться. Подумаешь, гости соберутся раньше обычного. Подумаешь, через три часа он покинет их и в последний раз отправится в школу. Главным событием для него являлся полностью собранный талисман.

* * *

Егор Савельевич вернулся из похода по рынкам в восьмом часу вечера. Вскоре покончили с хлопотами на кухне и Лидия Николаевна с Анной. Ну а первым, конечно же, освободился от работы Михаил – наскоро пройдясь веником по комнатам и коридору, он сгреб горку пыли и мелкого мусора на совок.

– Готово, – показал он матери результат своего труда.

– Спасибо, сынок, – откликнулась она. – Отдыхай. А завтра утром Анна протрет полы влажной тряпкой...

Когда в прихожую вошел отец, Мишка первым метнулся к нему помогать: подал домашние тапочки, забрал и отнес на кухню тяжелые сумки. Сделал он это, конечно же, не просто так – в другой раз сидел бы в своей комнате и не повел бы ухом. Но сегодня у него была слабая надежда, что отец не устоит и отдаст зажим для галстука на несколько часов раньше оговоренного срока.

Дождавшись, когда тот помоеет руки, переоденется и сядет в кресло со стаканом горячего чая, Михаил заканючил:

– Па-ап, а давай соберем талисман сегодня.

– Почему сегодня? Мы же договаривались в день твоего совершеннолетия.

– Ну какая разница, па-ап? До моего совершеннолетия осталось четыре часа.

– Нет уж, братец, – улыбнулся Егор Савельевич, – давай-ка по-честному. Уговор есть уговор.

– А если я дождусь двенадцати ночи, ты отдашь мне зажим?

– Давай дождемся твоего дня рождения.

– Но ведь он наступит сразу после двенадцати!

– И все-таки я вручу тебе его завтра. Как только проснешься, так и вручу, – стоял на своем отец.

– Ну почему-у?

– Да потому, что день у тебя завтра будет непростой. Очень непростой. И чтобы все успеть, ты должен встать пораньше. А значит, и лечь нужно часиков в десять.

Наморщив лоб, Мишка хотел возмутиться, но в прихожей внезапно раздался звонок.

Из спальни вышла Лидия Николаевна. На лице ее было написано недоумение – так поздно к Протасовым никто не приходил.

– Кто бы это мог быть? – насторожилась она.

– Возможно, поздравительная телеграмма от твоих родственников из Воронежа, – пожал плечами Егор Савельевич. И кивнул сыну: – Поди, Миша, открой.

Поднявшись, тот поплелся в прихожую, недовольно бурча под нос...

Ворчать юноша прекратил сразу, едва распахнул входную дверь. На лестничной клетке стояли несколько человек в военной форме. По цвету петлиц и околышей Мишка догадался: сотрудники НКВД. В школе и на улице он не отличался примерным поведением, поэтому сердце тотчас сползло в пятки. Ссутулившись и втянув голову в плечи, он словно уменьшился в росте.

– Протасовы здесь проживают? – низким голосом спросил один из офицеров со шпалами в петлицах.

Ответить нормальным образом Мишка не смог – горло моментально пересохло. Просто кивнул.

Этого было достаточно. Капитан Государственной безопасности отодвинул его в сторону и шагнул в квартиру. За ним проследовали остальные. Машинально прикрыв входную дверь, Михаил осторожно двинулся за страшными гостями...

В большой гостиной их встретила гробовая тишина. Побледневшая Лидия Николаевна и выглядывавшая из своей комнаты Анна смотрели на мужчин в форме с затаенным страхом. Глава семейства сидел в кресле и на первый взгляд выглядел спокойным. Однако стакан с чаем в его правой руке подрагивал, а пальцы левой крепко впились в подлокотник. Похоже, ничего хорошего от позднего визита сотрудников НКВД он не ждал.

Остановившись от него в трех шагах, капитан госбезопасности спросил:

– Вы Протасов Егор Савельевич?

– Я, – кивнул тот, поставил стакан с недопитым чаем на маленький столик и поднялся.

– Вот ордер на ваш арест, – в руках капитана зашелестела небольшая бумажка, на которой сиротливо пестрели несколько ровных строчек, чья-то подпись и печать. – Вам придется проехать с нами.

Егор Савельевич растерянно посмотрел на супругу. Потом двинулся было к выходу, но спохватился:

– Позвольте мне переодеться?

Капитан кивнул одному из подчиненных. Тот вместе с Протасовым удалился в дальнюю комнату. В гостиной снова повисла напряженная тишина...

Минут через пять они вернулись. Егор Савельевич был в темном костюме, в каком ежедневно ездил на работу. Только вместо светлой сорочки он надел темную и не стал повязывать галстук. В гостиной он задержался, поочередно обнял и поцеловал супругу и детей.

Когда хозяина вывели из квартиры, Лидия Николаевна приглушенно застонала, но хорошо поставленный командный голос капитана заставил ее замереть:

– Всех родственников Протасова Егора Савельевича прошу оставаться в этой комнате. Мы приступаем к обыску...

* * *

На улице возле дома хлопнули дверцы автомобиля. Затарахтел и, удаляясь, стих мотор. Лидии Николаевне позволили присесть возле обеденного стола, а ее дочери сбегать на кухню за стаканом воды. Поначалу Мишка обосновался возле окна, но ему приказали сделать три шага в глубь комнаты. Он подчинился и

застыл на полпути к несчастной матери.

Разом постарев на десять лет, она сидела на стуле. Руки ее были прижаты к груди, взгляд застыл на стоявшем рядом стакане. Лидия Николаевна не рыдала, не всхлипывала, лишь изредка по щекам ее скатывались крупные слезы.

Анна находилась рядом, положив ладонь на плечо матери. Ее лицо тоже лишилось живых теплых оттенков, но вместо страха в глазах были непонимание и ненависть к людям, только что забравшим отца и беспардонно роющим в семейных вещах.

Понуро опустив голову, Михаил топтался на одном месте. Он тяжело и прерывисто дышал, мысли в голове путались, пальцы дрожали. Он был наслышан об арестах, о скорых судах и приговорах. Знал, что такое «десять лет без права переписки», знал, что многие граждане после ареста бесследно исчезали. На улице Михаил много раз встречал сотрудников Государственной безопасности, но там они отличались от обычных прохожих лишь формой. И только сегодня у себя дома он впервые увидел их за работой.

Всего в квартиру Протасовых пожаловало восемь человек. Двое увели главу семьи, остальные приступили к обыску. Капитан постоянно находился в гостиной, присматривая за Лидией Николаевной и ее детьми. Остальные разошлись по комнатам и рылись в шкафах, комодах, ящиках столов, в одежде... К капитану изредка подходил кто-то из подчиненных, шептал что-то на ухо или показывал найденную подозрительную вещь. Тот кивал или шептал в ответ...

Когда прошел первоначальный испуг, а волнение поутихло, Мишка начал соображать. И первая же мысль беспокойно завозилась в его голове, как, наверное, возится червяк в только упавшем с дерева яблоке. «А будет ли после сегодняшнего отмечаться мой день рождения? – заволновался он. Тотчас подоспевшая вторая мысль и вовсе бросила в жар. – Талисман! Бронзовый талисман! – едва не простонал юноша. – Отец обещал завтра отдать ему заколку для галстука. А что же теперь?!»

Теперь многое оказалось под вопросом. И вопросов этих набиралось множество. Скоро ли закончится обыск? Надолго ли забрали отца? Какие вещи изымут у семьи? Что будет дальше, после обыска?..

* * *

Обыск продолжался долгих шесть часов. Трижды Лидии Николаевне становилось плохо; Мишке разрешали сходить на кухню за водой, а старшая сестра копалась в тумбочке, где хранились лекарства.

Около двух часов ночи капитан положил на стол листок с описью изъятого имущества и приказал расписаться. Лидия Николаевна с трудом нащупала карандаш и, не читая, дрожащей рукой вывела подпись. Нагрузившись узлами и коробками, сотрудники Госбезопасности покинули квартиру.

Повисшую в гостиной тишину нарушил глухой и полный отчаяния голос матери:

- Как же мы будем жить? Аня, Миша!.. Как же мы теперь?..

Дочь снова засуетилась вокруг нее, успокаивая и отпаивая водой.

Сын наконец решил покинуть назначенное ему на время обыска место. Причитания матери его раздражали. Что проку от слез, жалоб и проклятий?.. Все женщины любят поплакать и поголосить, если налаженное течение жизни вдруг нарушается, преподнося неприятные сюрпризы.

Ему захотелось осмотреть квартиру. Вначале он по привычке заглянул в свою комнату. И застыл на пороге.

Сам Мишка по своей воле никогда не содержал комнату в порядке, прибираясь в ней лишь после долгих препираний с матерью или старшей сестрой. Наведенный марафет держался день-два, а потом все возвращалось на круги своя: заваленный тетрадками и учебниками стол, разбросанная одежда, мусор на полу...

Сегодня, накануне дня рождения, он был вынужден сделать уборку, а сейчас, спустя несколько часов, от порядка не осталось и следа. Остановившись посреди комнаты, он растерянно смотрел на валяющуюся одежду, вытащенную из двустворчатого шифоньера, на выпотрошенные ящики письменного стола, на вывернутые карманы его новеньких брюк. В этих брюках он собирался предстать перед гостями и в них же отправиться на выпускной вечер. Теперь это было

невозможно – кто-то «с мясом» выдрал подкладку одного из карманов.

Шум из гостиной, торопливые шаги и взволнованный голос Анны его не настораживали. Лидию Николаевну частенько подводило здоровье, особенно в последние годы мучили горло и легкие. Дети давно привыкли к ее хворям, но привыкли по-разному. Дочь всегда переживала за маму, всячески помогала, подбадривала, ухаживала и взваливала на себя все обязанности по хозяйству. Да и выбор будущей профессии врача она сделала в большей степени из-за слабого здоровья мамы.

У Мишки все складывалось наоборот. В те дни, когда Лидия Николаевна боролась с недугами, он получал свободу и бесконтрольность. Для него начинался настоящий праздник. Никто не заставлял его мыть руки после улицы, переодеваться в домашнее и надевать каждое утро свежую сорочку. Никто не стоял над душой, требуя делать уроки, съесть за обедом полную тарелку борща или ложиться спать в десять вечера. Так происходило год за годом, и в конце концов у молодого человека выработался рефлекс: чем хуже чувствовала себя его мама, тем вольготнее и радостнее становилось у него на душе.

Негромко выругавшись, он подобрал с пола свой перочинный ножик. Из-за небольших размеров он, вероятно, не заинтересовал сотрудников НКВД, и те бросили его на пол. Сунув нож в карман, Михаил вдруг вспомнил:

– Моя спичечница!

Его часть талисмана хранилась в одном неприметном месте, о котором не знал никто, ни одна живая душа. Присев на корточки возле дальней кровати ножки, он поднатужился, приподнял ее над полом и выдернул круглую металлическую пяту. Пошерудив пальцем внутри открывшейся полости, он вытянул наружу сложенную трубочкой плотную бумагу. Следом вывалилась и заветная спичечница.

Мишка замер, прислушался...

Мать по-прежнему находилась в гостиной. Сестра крутилась в коридоре у телефона и пыталась куда-то дозвониться. Им было не до него.

Победно улыбнувшись своей хитрости (даже опытные энкавэдэшники не сумели отыскать тайник!), молодой человек развернул плотную бумагу. Это были фотографические картинки голых женщин. Мишка выменял их у одноклассника Генки Дранко на раскладное увеличительное стекло и два рубля в придачу. На тот момент для юного школьника такая сумма выглядела очень внушительной. Теперь она казалась мелочью, ведь семья не бедствовала: отец получал на секретном военном заводе около шестисот рублей в месяц, мать в музыкальной школе – более трехсот. Еженедельно ему от родителей перепадало от трех до пяти рублей, а к праздникам бывало и больше.

Михаил отыскал среди снимков свой любимый. Запечатленная на нем красотка сидела на старинной кушетке в очень вульгарной позе. Левым локотком она опиралась о резную спинку, а в правой руке держала веер. Карточка была до того затерта, что все мелкие детали изображения давно исчезли, а манящая похотливая улыбка красивой натурщицы осталась только в Мишкиной памяти.

Помимо карточек и спичечницы в тайнике лежало несколько десятирублевых купюр, накопленных за последние полтора года. Сначала он копил на велосипед, потом, взрослея, решил купить фотокамеру. Недавно вдруг понял, что и камера ему уже не нужна.

– Миша, подойти сюда! – послышался требовательный голос сестры.

– Чтоб ты сдохла! – вздрогнув, тихо выругался он и принялся распахивать по карманам свои сокровища.

* * *

Анна стояла возле телефона и пыталась дозвониться до ближайшей подстанции «Скорой помощи».

– Миша, я не могу понять, что происходит, – пояснила она, беспрестанно нажимая рычажок висящего на стене аппарата. – Днем наш телефон работал – я звонила в деканат и подруге. А теперь молчит.

Брат взял у нее трубку, приложил к уху... Аппарат действительно безмолвствовал: ни гудков, ни треска, ни привычного фона.

– Может быть, отключили? – пожал он плечами.

– Как отключили?! Почему?!

– Откуда я знаю? Наверное, из-за обыска. Чтобы мы никуда не звонили...

Предположение брата окончательно добило Анну. События последних часов: арест отца, обыск, мамины обмороки – навалились и буквально раздавили ее. Спокойная, размеренная жизнь, наполненная радостью, любовью родителей, мыслями о счастливом и благополучном будущем, померкла в одночасье. Тепло этих мыслей внезапно натолкнулось на что-то холодное, жестокое и очень сильное.

– Но как же так?.. Маме плохо. Давление, видно, подскочило, – бормотала она, машинально продолжая нажимать рычажок. – Нужно вызвать карету «Скорой помощи», а они отключили. Как же так?..

Мишка понял, что его дальнейшее присутствие в коридоре необязательно, и поспешил смыться в отцовский кабинет.

Все наиболее ценное отец хранил в старом металлическом сейфе, стоящем в кабинете рядом с высоким книжным шкафом. Секретные чертежи и документы, с которыми он работал ночами; незаконченные слесарные поделки; самые редкие и дорогие инструменты; наградной револьвер, ордена и медали.

Прошмыгнув по коридору, Мишка заглянул в отцовскую обитель. В комнате царил полнейший беспорядок. Вещи были разбросаны так, что складывалось впечатление, будто проверявшие их сотрудники нарочно старались насолить хозяевам квартиры. Стекло в правой фрамуге единственного окна зачем-то разбили, и осколки рассыпались по верстаку; врывавшийся в комнату ветерок безжалостно трепал светлую занавеску.

Перешагивая через валявшиеся на полу вещи, Мишка подошел к сейфу. От волнения сердце колотилось в груди, словно он только что пробежал три квартала. Тяжелая дверка была распахнута, внутри не осталось ничего, за исключением плоской коробки немецких карандашей. Бронзовый зажим для галстука отец тоже хранил здесь, на верхней полке сейфа. Он никогда не

пользовался зажимами, и Мишка не понимал, зачем он вообще его сделал. Наверное, только для того, чтобы скреплять им другие детали талис-мана.

Кулаки сжались. В бессильной злобе юноша скрипнул зубами и огляделся по сторонам. Он не понимал, зачем сотрудникам Госбезопасности забирать с собой бронзовую безделушку, и потому надеялся, что они швырнули ее на пол, так же как сделали это с его перочинным ножиком.

Михаил облазил на четвереньках весь пол в кабинете: проверил пространство под письменным столом и верстаком, пошарил ладонью под книжными шкафами, заглянул под каждую из валявшихся вещей. Но зажима он так и не нашел.

* * *

Молодой человек пребывал в бешенстве. День его рождения наступил более двух часов назад. Он так ждал этого события, так долго представлял его в своих мечтах!

И вдруг – полное фиаско: отец арестован, мать в обмороке, в квартире обыск, главная часть бронзового талисмана исчезла вместе с другими изъятыми вещами. Остальные части талисмана проклятые энкавэдэшники, наверное, не тронули. Зачем им женские вещи: заколка для волос и крохотное зеркальце?

Впрочем, и Мишке они теперь стали без надобности. Он тысячу раз выпрашивал их у матери с сестрой, присовокуплял к ним свою спичечницу и часами пытался разгадать запрятанную в талисман тайну. Ничего не выходило.

Понуриив голову, он покинул отцовский кабинет и поплелся по длинному коридору.

– Миша, ну помоги же наконец! – оторвал его от тяжелых мыслей голос сестры. – Что ты мотаешься без дела?!

Проходя мимо Анны, он показал пальцем на перерезанный провод выше аппарата.

- Ты ослепла? Разве не видишь, что они специально оставили нас без телефона?

- А чего ж ты раньше молчал?!

- Я сам только что увидел...

- Подожди, - схватила сестра его за руку. - Надо вызвать врача для мамы.

- Так вызывай.

- Не могу же я одна среди ночи... - залепетала девушка. - Давай я останусь с мамой, а ты сбегашь на подстанцию за каретой? Тут недалеко - кварталов пять или шесть...

- Да пошла ты! - не дал он договорить сестре.

Мишка попытался освободить руку, но Анна не сдавалась:

- А ну стой! - двинулась она на него с грозным видом. - Ты что себе позволяешь, мелкий негодник?!

«Мелкий негодник». Так Анна обзывала его во время стычек и потасовок, случавшихся много лет назад. В последнее время они не ссорились. Прохлада и неприязнь в отношениях никуда не делись, однако до открытого противостояния больше не доходило. Оба стали взрослыми, их интересы кардинально поменялись, точек соприкосновения не осталось. Жили каждый сам по себе.

Брат был шире в плечах и почти на голову выше Анны, но сейчас на ее стороне был праведный гнев. Она готова была растерзать Мишку за равнодушие, за наглость, за демонстративное нежелание помогать в тот момент, когда мама нуждалась в поддержке.

Поняв, насколько решительно настроена сестра, Михаил сделал шаг назад.

- Ладно-ладно, схожу я на твою подстанцию, - пролепетал он. - Что я должен там сказать?..

* * *

Ни на какую подстанцию Мишка, конечно же, не пошел. Чужих приказов он исполнять не любил – сестрица хорошо об этом знала и все же пыталась командовать. Дура!..

Обойдя кругом пару кварталов по ночному городу, он вернулся на свою улицу, тихо вошел в подъезд соседнего дома и так же тихо поднялся на последний этаж. С лестничной площадки пятого этажа он вскарабкался по металлической лесенке до люка, ведущего на чердак. Осторожно приподняв крышку, проскользнул в темное душное нутро, пахнущее пылью и опилками. Табачного запаха не ощущалось, значит, под крышей никого не было.

Несколько секунд Мишка стоял без движения, но глаза к темноте привыкать никак не хотели. Ночью на здешнем чердаке он оказался впервые и понял, что без спичек не обойтись. Днем сюда пробивался свет через узкие слуховые окна, и можно было передвигаться без риска упасть или стукнуться головой о деревянный брус. Вынув из кармана коробок, Мишка зажег спичку, осмотрелся и двинулся в глубь длинного черного тоннеля...

В этом доме жил его одноклассник и друг Геннадий Дранко. Это он обнаружил незапертый люк и предложил обустроить под крышей уютное местечко. Здесь хранились чья-то старая, пришедшая в негодность мебель, кухонная утварь, коробки и ящики с пожелтевшими книгами и полуистлевшей одеждой. В общем, все то, что практичные жильцы не хотели видеть в квартирах, но не решались отнести на помойку.

Отобрав наиболее пригодную мебель, пацаны соорудили у дальнего оконца нечто похожее на комнату. В свободное время они незаметно поднимались сюда, смолили собранные на тротуарах окурки, иногда баловались пивом или дешевым винцом. На улице или дома подобной вольности они себе позволить не могли, здесь же царила полная свобода. Правда, разговаривать приходилось вполголоса, а передвигаться на цыпочках, чтобы не услышали обитатели последнего этажа.

Догорая, очередная спичка обожгла палец. Мишка шепотом матюкнулся, плюхнулся в кресло-качалку и принялся шарить по нижним полкам этажерки. Где-то там хранился оплывший огарок старой свечи...

– Вот она, – он снова чиркнул спичкой по коробку.

Крохотный огонек покачался над воском, набирая силу, попрос и осветил «комнату» под изнанкой пологой крыши. Справа от вертикального окошка стоял древний платяной шкаф, отгораживающий «комнату» от остального пространства. В мальчишеской обители ничего лишнего не было, за исключением дырявого и давно не чищенного самовара. Продавленный топчан, кресло-качалка, столик, этажерка, деревянный ящик из-под боеприпасов. В нем Мишка с Генкой хранили самое ценное: папиросы, спички, вино, два стакана и кое-что из продуктов. Ящик плотно закрывался крышкой, и снедь не могли слопать мыши, которых на чердаке водилось в избытке.

Михаил залез в ящик, развернул газетный сверток и принялся жевать черствый хлеб. В животе урчало – в последний раз он перекусывал еще до того, как занялся уборкой квартиры. А потом нагрянули с обыском, и страх заставил позабыть о голоде. Теперь же в теплой тишине пустое брюхо напомнило о себе...

Покончив с хлебом, Мишка отыскал в ящике коробку папирос «Май». Дорогих «майских» в коробке давно не было, друзья складывали в нее табачок подешевле: «Беломорканал», «Нашу марку», «Боевые», «Гром». А когда совсем прижимало, то и собранные на улице окурки.

Целых папирос не оказалось – день назад друзья выкурили последние. Поковырявшись в коробке, Мишка выбрал самый длинный «бычок», подпалил его и с наслаждением затянулся...

Откинувшись на деревянную спинку кресла, он прикрыл глаза, вздохнул. И начал по порядку вспоминать сумасшедший день – 21 июня...

* * *

Под утро Мишка всегда спал чутко и беспокойно. Вот и сегодня, будто в продолжение вчерашних кошмаров, ему снились незнакомцы в форме с малиновыми петлицами. Они зловеще ухмылялись, обращались к нему неприятными скрипучими голосами, требуя показать тайник и отдать фотокарточки обнаженных женщин. Мишка дважды в ужасе просыпался, тараторил в узкое оконце на занимавшийся рассвет и, успокоившись, снова

пытался заснуть. Потом он наконец провалился в глубокий сон и не услышал тихих шагов по опилкам.

- Вставай, Миха! Да вставай же! – кто-то настойчиво тормозил его за воротник.

Вскрикнув, он ошалело посмотрел по сторонам и, наткнувшись взглядом на стоявшего рядом Генку Дранко, отпрянул. Но через секунду узнал друга и пролепетал:

- Ты... ты чего так рано приперся?

- Я вообще-то три часа как на ногах. А вот ты чего тут разлегся?

- Из дома вчера ушел...

Потянувшись, Мишка встал с кресла, потер ладонью затекшую шею.

- Из дома ушел? – удивленно переспросил приятель. – Чего это вдруг?

- Отца вчера арестовали. Потом обыск был до поздней ночи. Ну и с сестрой поцапался.

- Это за что же отца-то?

- Почем я знаю. – Мишка пожал плечами и вынул из папиросной коробки очередной окурок.

Забыв про осторожность, Генка воскликнул:

- Выходит, ты продрых здесь всю ночь и ничего не знаешь?!

- А что я должен знать?

- Война, Миха! Война началась в четыре утра!

- Какая война? С кем?

– С немцами! С фашистской Германией!

Новость не обрадовала, однако после вчерашних событий удивить Мишку было сложно. Досмолив окурок, он затушил огонек плевком и сказал:

– Нам-то что до этой войны?..

Генка повертел у виска пальцем:

– Ты ничего не забыл? Нам обоим по восемнадцать стукнуло! Мне в апреле, тебе сегодня...

С самого утра 22 июня 1941 года, невзирая на выходной день, все военные комиссариаты страны работали в авральном режиме. Одни сотрудники разбирались с нескончаемым потоком добровольцев, другие копались в документах и отбирали личные дела тех, кого комиссариаты должны были поставить под ружье в первую очередь. Третьи заполняли повестки и отправляли их по адресам.

Среди пришедших добровольцев мелькали и совсем юные пацаны явно непризывного возраста. Некоторые из них подправляли цифры в документах, некоторые надеялись убедить военкома, а кто-то намеревался использовать общую неразбериху. Этим героических мальчишек объединяло огромное желание попасть на фронт и вместе со старшим поколением дать отпор проклятым фашистам.

Мишка с Генкой принадлежали к другой породе. Оба росли в правильных советских семьях, но родители в их воспитании где-то просчитались, что-то упустили. Ребят не интересовали достижения страны, они не посещали кружков, в школе учились спустя рукава, да и дружили с такими же «отрезанными ломтями». Все их интересы сводились к одному: где раздобыть мелочи, чтобы купить папирос и винишко.

Генкин вопрос застал врасплох. Младший Протасов вспомнил о недавнем совершеннолетию, на минуту задумался и вдруг явно представил, как почтальон приносит домой под роспись грозную повестку с требованием немедленно явиться в военкомат. Эта сцена окончательно отогнала сон. Тряхнув головой, он

твердо изрек:

– Я на войну не пойду. Больно надо!

– Так и мне неохота в окопы! – поддержал Генка.

– Что будем делать? Может, тут перекантуемся?

– Ага, перекантуемся! А если заваруха на полгода затянется? Зимой тут холодновато. И насчет жратвы надо где-то промышлять...

Прятели просидели на чердаке долгих два часа, после чего спустились во двор и расстались. Генке надо было появиться дома, а Мишка отправился в ближайшие магазины запастись провизией, папиросами, свечками и прочими необходимыми вещами.

Ближе к вечеру они сговорились снова встретиться на чердаке.

Глава третья

Москва; июль 1945 года

Вечер в Москве выдался славный: невыносимый зной сменился приятной прохладой, с запада подул легкий освежающий ветерок. Высыпавшие на улицы горожане празднично прогуливались, наслаждаясь погодой и редким свободным временем. Особенно много народу гуляло по набережным Москвы-реки и Яузы. То тут, то там слышались громкие голоса, смех, переливы гармонии, песни.

От большой компании, бродившей по Крымской набережной, отделилась стайка молодых девушек. попрощавшись с друзьями, они свернули в Земский переулок и направились в сторону Большой Якиманки. Через полквартила во двор своего дома нырнула первая женщина. Взмахнув рукой, исчезла в подъезде вторая. Оставшаяся троица перешла на шепот, а через минуту и вовсе примолкла.

Кривой Земский переулок не имел освещения; на темный асфальт падали редкие желтые пятна из окон еще не спавших квартир. После светлой, оживленной набережной темный переулок выглядел пугающе.

– Мамочки, мне страшно, – вцепилась в руку подруги полная девушка по имени Раиса.

– Нужно поскорее проскочить переулок, – предложила та и оправила рукав темно-синего платья.

– Вам хорошо – всего-то до Якиманки топать, – прошептала высокая брюнетка. – А мне до Ордынки одной бежать по таким же переулкам...

Прижавшись друг к другу и пугаясь каждого шороха, девушки дошли до середины следующего квартала. Здесь зловещую тишину нарушили звуки патефона, доносившиеся из распахнутого окна на третьем этаже кирпичного дома. Пела Клавдия Шульженко. Песня называлась «Андрюша». Узнав ее, девушки слегка приободрились, расправили плечи и даже заулыбались.

И вдруг...

– Ой! – остановилась Раиса.

– Что опять? Чего ты постоянно пугаешь?! – возмутилась брюнетка. – И так все тело мурашками покрылось!

– Смотрите, кто-то вывернул из двора...

Только теперь, повернув головы в указанном направлении, подруги рассмотрели спину удалявшегося мужчины. Шел он удивительно тихо и не посередине переулочка, а с краю, почти касаясь правым плечом каменной стены.

– Давайте подождем, пока он уйдет подальше, – прошипела Раиса.

Покрутив головой, брюнетка возразила:

– Я не хочу оставаться в этом ужасном месте. Лучше потихоньку идти следом.

Стоять и спорить хотелось меньше всего, потому девушки двинулись дальше. Фигура незнакомого мужчины изредка появлялась в редком и слабом освещении. Он по-прежнему держался правой стороны; шел довольно быстро, но шагов его никто не слышал. Впереди уже маячил отрезок хорошо освещенной Большой Якиманки. Там, впереди, была совсем другая жизнь: мельтешили прохожие; сигналив и обдавая округу ярким светом фар, проезжали автомобили. Еще шагов сто, и девушки вольются в эту безопасную и привычную жизнь. Сбросят с плеч напряжение, перестанут прислушиваться к каждому звуку, забудут о страхе, заулыбаются.

Наверное, каждая из трех девушек думала именно так и подгоняла ползущее время. Но Раиса опять остановилась, будто наткнулась на стену, да еще схватила обеих подруг за руки.

- Ну что опять?! - приглушенно разозлилась брюнетка.

- Тс-с! Второй вышел - не видите, что ли?!

Из-под арки, до которой девушки не дошли метров пятнадцать, и впрямь выскочил невысокий мужичок. Пульнув обратно в черную пасть подворотни окурков, он стал быстро нагонять идущего впереди мужчину. Под козырьком подъезда дома напротив тлела слабая электрическая лампочка. И тут девушки заметили, как в руке догонявшего блеснул тонкий металлический предмет, как мужичок взмахнул им и коротко ударил сверху вниз...

Высокая брюнетка, казавшаяся самой сильной и выдержанной, ахнула и, лишившись чувств, осела на асфальт. Раиса завопила первой. Через миг к ее сопрано присоединился мощный контральто третьей подруги.

* * *

- Так вы говорите, лица его он не видел?

- Какое там?.. Темно же было. Как он мог его увидеть, стоя в подворотне? Это сейчас все вокруг светло, как днем. А тогда - хоть глаз коли.

– По-вашему, он поджидал первого попавшегося прохожего?

– Не знаю, – пожала плечами Раиса.

– Выходит, если бы не этот гражданин, под нож преступника могли угодить вы?

Последний вопрос заставил полную девушку вздрогнуть и заново пережить всю остроту страшного момента. Поднеся к губам ладошку и округлив глаза, она затаила дыхание.

Пока она обдумывала ответ, Василий Егоров оглянулся на других свидетелей нападения. Крупная, высокая брюнетка понемногу приходила в себя после глубокого обморока на заднем сиденье служебной легковушки, на которой прикатили сыщики. Третья девушка, одетая в темно-синее платье, стояла рядом с распахнутой дверцей и совала под нос подружки ватку, смоченную нашатырным спиртом. Подле свидетельниц дежурили лейтенант Ким и пожилой водитель.

– Знаете, товарищ капитан, я часто хожу этим переулком – на работу, с работы, – затараторила Раиса. – В этой подворотне вечно собираются алкаши. Курят, пьют вино, матерятся, шуточки разные непристойные отпускают. Может, и в этот раз какой-нибудь дурной пьянчуга голову потерял?

– Возможно, – кивнул Егоров. И, понимая, что больше ничего путного свидетельница сообщить не сможет, предупредил: – Завтра в девять утра попрошу прибыть в Управление Московского уголовного розыска на Петровку, 38. Свободны...

* * *

Сигнал в дежурную часть милиции поступил через несколько минут после нападения на мужчину в Земском переулке. Крупная темноволосая девушка грохнулась в обморок, а две ее подружки подняли такой визг, что неизвестный, пытавшийся убить мужчину ножом, поспешил скрыться. И правильно сделал, потому что через несколько минут к месту происшествия начали стекаться люди.

Прибыв на место, милицейский наряд сразу вызвал карету «Скорой помощи» и связался с МУРом. Дежурил в этот день опытный сотрудник – один из заместителей комиссара Урусова. Быстро разобравшись в почерке преступления, он направил в Земский переулок оперативно-разыскную группу майора Старцева. Тот распределил обязанности еще по дороге: опытный Вася Егоров допрашивает свидетельниц, штатный фотограф Игнат Горшеня выполняет свою работу, Александр Васильков осматривает прилегающую местность, Олесь Бойко и Ефим Баранец опрашивают местных жителей.

Сам Иван Харитонович Старцев взялся сопровождать пострадавшего в карете «Скорой помощи».

– Боюсь, не доживет до утра, – негромко поделился он с товарищами результатом первичного осмотра. – Пока он в сознании, попробую задать пару вопросов...

* * *

До рассвета оставалось менее часа. Группа продолжала работать на месте преступления. Бригада врачей давно уехала, увезя с собой пострадавшего. Жильцы окрестных домов и запоздавшие любопытные прохожие разошлись. Чуть поодаль курили три патрульных милиционера, получившие приказ дожидаться окончания работы сыщиков.

– ...Да разве можно было разобрать, как он выглядел? Темнота же кругом была – хоть глаз коли!

– Вы же сказали, что оконце справа горело на втором этаже.

– Горело. Сейчас погасло. И лампочка светила у дома напротив.

– Вон та? – Егоров указал на желтоватый огонек над дверью подъезда.

– Она самая, – кивнула брюнетка. – Да что толку-то от нее...

Показания давала последняя свидетельница из трех. Она пришла в себя после обморока, чувствовала себя нормально, хотя и жаловалась на непослушные

«ватные ноги». Две другие девушки ушли домой после того, как Егоров пообещал доставить их подругу на автомобиле до места жительства.

– Светит тускло. Одно название, что лампочка, – согласился Василий. – Но вот, к примеру, ваша подруга по имени Рая заметила, что нападавший был небольшого роста и в кепке.

На миг задумавшись, девушка кивнула:

– Да, росту он был небольшого, а про кепку ничего сказать не могу. Затылок вроде такой...

– Какой?

– Коротко стриженный. Или выбритый.

– Умница. Постаралась, и сразу память включилась, – похвалил Егоров. – Продолжай.

– Да чего продолжать-то? Ну... в брюках был. В широких. И, по-моему, в пиджаке нараспашку.

– А обувь?

– Нет, обувь я точно не разглядела.

– Шаги его было слышно?

– Нет. Я слышала шаги первого. Ну того... которого ножом ударили.

– Значит, на ногах нападавшего было что-то мягкое. Например, сандалии.

– Этого я не знаю. Правда, не знаю. Отвезли бы вы меня домой, товарищ следователь, – жалобно попросила брюнетка. – Голова раскалывается от всего, ей-богу.

- Хорошо. Последний вопрос. Куда он убежал, когда вы подняли крик?

Этот вопрос Егоров поочередно задавал всем девушкам. Их ответы различались, и это настораживало оперативника. Раисе показалась, будто нападавший прошмыгнул в следующую подворотню по правой стороне переулка.

Свидетельница в темно-синем платье настаивала на том, что тот забежал в подъезд дома по левую сторону. Для оперативного расследования важна была каждая деталь, поэтому Василий и мучил несчастных девиц.

- Простите, товарищ следователь, но у меня помутнело в глазах гораздо раньше. Он только ножом замахнулся, а я уж ног под собой не чувствовала и на землю повалилась. Так что не обессудьте.

Вздыхнув, Егоров кивнул в сторону служебной легковушки:

- Садись в машину. Минут через пятнадцать мы закончим...

* * *

Группа завершала работу в узком переулке. Оставшийся за старшего Егоров попросил коллег собраться у одной из служебных машин.

- Никто из живущих поблизости ничего подозрительного не заметил, - доложил первым капитан Бойко.

- Даже те, чьи окна выходят в переулок?

- Тут на первых этажах в основном старички проживают, - пояснил Олесь. - Сам знаешь: если они приметят что-то странное - не отобьешься. Все расскажут, да еще и приукрасят. Мы всех опросили, полезной информации - ноль.

- Ясно. Игнат, ты закончил?

Штатный фотограф паковал в футляр аппарат.

- Закончил. Отснял две кассеты, - ответил тот.

- Отлично. А где Саня?..

Васильков словно почувствовал, что его потеряли, - вынырнул из-под арки.

- Здесь я.

- Нашел что-нибудь интересное?

- Только это. - Майор раскрыл ладонь и показал штук пять свежих окурков.

- Дукат?

- Он самый.

- Поехали, товарищи. Завезем на Ордынку свидетельницу и рванем в Управление. Иван нас, верно, заждался...

Глава четвертая

Москва; июнь - июль 1941 года

Беспреданно озираясь по сторонам, Мишка шел по тенистой стороне Малой Коммунистической. Родная пятиэтажка находилась на соседней Ульяновской улице, где с некоторых пор он предпочитал не появляться. Здесь он тоже мог нарваться на знакомых или соседей, поэтому осторожничал и всматривался в каждую появлявшуюся впереди фигуру.

Повезло. На всем пути от магазина до желтой трехэтажки повстречались только две пожилые тетки. Одна тащила на горбу мешок, наполненный то ли картошкой, то ли брюквой. Другая вела за руку внучку лет четырех.

Впрочем, младшего Протасова вся эта мишура не интересовала. Ближайшую ночь он решил провести в подвале этого дома. Когда-то они прятались там с

Генкой Дранко от милиции, разбив камнями окна у наглого и злого дворника Кармягина. Дверь в подвал запиралась на большой висячий замок, но за кустами над тротуаром имелось неприметное оконце, через которое можно было пролезть внутрь.

Дойдя до торца здания, он оглянулся в последний раз – никого.

Быстро свернул к зарослям, протиснулся через кусты и... в растерянности остановился у стены. Оконце, сквозь которое друзья десятки раз проникали в подвал, было заложено кирпичом. Кладка выглядела совсем свежей – раствор схватился дня два или три назад.

Присев на корточки, Мишка провел ладонью по теплым кирпичам, ковырнул застывшую каплю раствора.

– С-суки... – Он смачно плюнул на стену и направился в сторону Верхней Таганской площади.

* * *

С момента ареста отца и бегства из дома прошло полмесяца. За это время случилось столько разных событий, что у Мишки порой мутнело в глазах и закипали мозги. Последние две недели в корне отличались от довоенного времени – беззаботного, спокойного, безопасного.

Первые десять суток Михаил прожил на чердаке Генкиного дома и теперь вспоминал о них с теплотой и сожалением. Днем он осторожно выбирался на улицу и бежал в дальний магазин за продуктами, вином и папиросами. Запас накопленных денег позволял покупать не только самое необходимое, но и баловать себя излишествами. К примеру, однажды он купил кило шоколадных конфет, а в другой раз кулек печенья. Пока еще на прилавках магазинов было все: мясо, рыба, овощи, хлеб белый и черный, сладости. По ночам Мишка опять спускался с чердака, но уже с другой целью: забравшись в заросли сирени, он справлял нужду.

Трижды во время дневных вылазок Мишка сталкивался с милицией и наводнившими город военными патрулями. Но всякий раз ему фартило: патрули

занимались взрослыми мужиками, а милиционеры попросту не обращали на пацана внимания.

На шестой день закончились невеликие денежные накопления, и на помощь пришел друг Генка, который приносил каждый вечер ломоть хлеба, пару яблок, бутылку с простой водой и пяток папирос. Его большая семья всегда жила бедно, а потому роптать на скудность гостинцев было бессмысленно. Что имел, то и нес.

А на одиннадцатый день произошла катастрофа.

Перед визитом на чердак Генка по заведенному обычаю выходил из своего подъезда и несколько минут курил на лавочке, внимательно наблюдая по сторонам. Улучив момент, когда двор опустеет, он быстро шел к подъезду с заветным люком. Поднявшись на чердак, отдавал товарищу провизию; пока тот утолял голод, делился новостями, которых после 22 июня появилось с избытком. Потом они зажигали свечку и перекидывались в картишки. Мишка изнывал от одиночества и просил приятеля побыть с ним подольше.

На третий день войны Геннадий Дранко получил повестку, но в военкомат не пошел. Отца у него не было, мать драила полы в трех магазинах и получала жиденькую зарплату. После школы Генка удачно устроился в железнодорожные мастерские за Рогожским валом в надежде пособить семье. Поначалу дело пошло, и он был доволен. А потом настал одиннадцатый день.

Ближе к вечеру Мишка в ожидании друга заснул в кресле-качалке. Проснулся он от резкого короткого звука, долетевшего со двора. И сразу понял: стреляют!

Вскочив, бросился к узкому оконцу. Во дворе слышались крики, ругань...

Сквозь крону растущей во дворе осины он увидел страшную картину: стоящего с пистолетом в руке офицера и трех солдат, заламывающих руки лежащему на асфальте Генке. Рядом плакала и причитала Генкина мать. Из глубины двора доносился пьяный мат мужиков, поносивших офицера за стрельбу посреди двора жилого дома.

– Загребли, с-суки, – процедил Мишка. – Все-таки загребли!..

И спрятался от греха подальше. Не дай бог, офицер поднимет взгляд и заметит его. Раз патруль наведалься во двор и выследил Генку, стало быть, разыскивают и его.

Через минуту он выглянул снова и увидел лишь спину товарища. Держа Генку под руки, солдаты выводили его со двора на улицу.

Упав в кресло, Мишка трясущимися пальцами закурил последнюю папиросу и принялся обдумывать, как жить дальше. С чердака следовало уходить. Но куда?..

* * *

Затея с подвалом провалилась. Больше на Малой Коммунистической делать было нечего, и расстроенный Мишка направился на пустырь, расположенный на полпути к Верхней Таганской площади. Пустырь этот издавна был необитаем – горожане старательно обходили его стороной, и зеленый ковер из разнотравья оставался нетронутым до глубокой осени, до первого снега.

Посередине обширного участка блестела на солнце огромная непересыхающая лужа, давно превратившаяся в дурно пахнущее болото. Повсюду росли деревья, дикий кустарник, разлапистые лопухи. С восточного края темнели заброшенные постройки с разбитыми окнами, с облупленными стенами и щербатой крышей. Поговаривали, будто московские власти намеревались расчистить это место и разбить здесь парк, да только дело с места не трогалось. А уж с началом войны о парке и вовсе следовало забыть.

Это Мишку устраивало. По крайней мере, в одном из заброшенных домов он мог перекаптоваться несколько ночей, пока не отыщется местечко получше. О возвращении на чердак Генкиного дома он и думать боялся. Вдруг товарища так возьмут в оборот, что он расколется и сдаст Протасова. Подобный вариант был вполне вероятен, и не брать его в расчет осторожный Мишка не мог.

За тяжкими раздумьями он не заметил, как дошел до конца улицы. Проезжая часть с единственным тротуаром резко уходила влево и через сотню метров соединялась с Большой Коммунистической. Чтобы попасть на пустырь, нужно было войти во двор деревянного двухэтажного барака, протиснуться между

сараями и перелезть через забор.

* * *

Весь день светило яркое солнце, было безветренно и жарко. Вечером похолодало, подул ветер, небо затянуло тучами. А ночью по худой крыше заброшенного дома забарабанил дождь.

Мишка сидел на мягких опилках в углу того, что раньше называлось чердачным помещением одноэтажного дома. Строению было не меньше сотни лет; последние жильцы давно его покинули, прихватив не только вещи, но и половицы, оконные стекла, электрические провода, розетки и выключатели... Здание насквозь провоняло человеческими испражнениями и выглядело настолько ветхим, что порой казалось, будто навалились на него ветер сильным порывом, и рухнет оно со стоном и скрипом. Один из углов кто-то поджег, и он почернел, обуглился. В крыше зияли огромные дыры.

Обхватив руками худые коленки, Мишка с тоской вспоминал обустроенный чердак Генкиного дома. Вспоминал его тепло и уют; вздыхал по хранившемуся в зеленом ящике запасу продуктов и папирос. На здешнем чердаке не было ничего, кроме холодного ветра и залетавших через дырявую крышу мелких капель ледяного дождя.

В животе посасывало от неприятной пустоты. Раньше ему голодать не приходилось, более того, мама частенько баловала его всякими вкусными блюдами: молочным киселем, творожной запеканкой, клюквенным муссом, малиновым сорбетом, пирогом со сладкой черемухой...

Он припомнил, как не любил борщ или отказывался от гречневой каши с молоком. Сейчас он умял бы за обе щеки и то, и другое. Да еще попросил бы добавки.

Когда закончились деньги, он научился перебивать чувство голода табачным дымом. Бывало, выкурит возле узкого чердачного оконца «бычок» или даже целую папиросу и на время уgomонит бурчащий от недовольства желудок. Сейчас в его карманах гулял такой же ветер, как и снаружи заброшенного дома. Ни куска хлеба, ни папирос, ни мелочи, чтобы затариться в магазине. Только

фотографические карточки с голыми бабами да бронзовая спичечница со вставленным в нее коробком.

Поежившись от холода и пронизывающего влагой сквозняка, Мишка отогнал мысли о жратве и постарался переключиться на что-нибудь другое. Для начала восстановил в памяти, как ему пришлось покинуть обжитое на чердаке место...

Он ушел оттуда через час после ареста Генки. Сначала долго сидел в кресле-качалке – раздавленный, потрясенный, напуганный. Размышлял, перебирал различные варианты. Наперед знал только одно: оставаться под крышей этого дома опасно. Едва стемнело, Мишка собрал нехитрые пожитки, тихо спустился в подъезд – и был таков.

Людных мест, наподобие вокзалов, он избегал, поэтому первую ночь провел на лавке в небольшом сквере на углу Добровольческой и Трудовой. Ночь выдалась нервной: он просыпался от каждого шороха, от каждого дуновения легкого ветерка и шелеста листвы. Дважды вдоль сквера проезжали конные милицейские патрули. Мишка вздрагивал от громкого цокота копыт, скатывался с лавки, уползал ужом под кусты и тихонько лежал, затаив дыхание... Утром, злой и помятый, он дал себе слово, что на улице ночевать больше не станет, а найдет для этого надежное, спокойное место.

И вот его занесло на чердак заброшенного дома под дырявую крышу. «Нет, здесь я тоже ночую в первый и последний раз, – забился он в самый угол и улегся на опилки. В углу было посуше, не так сильно сквозило. – Завтра прошвырнусь по сараям в глубине Дровяного переулка...»

С этими мыслями младший Протасов провалился в сон.

* * *

Поспать удалось часа четыре. Сон из-за накопившейся усталости поначалу вышел крепким. Ближе к утру дождь прекратился, однако заметно похолодало. Просыпаясь от бившего его озноба и пытаясь согреться, Мишка все глубже закапывался в опилки. На некоторое время это помогло, но потом опилки попали под одежду, и началась другая напасть – неистово зачесалось все тело...

Едва забрезжил рассвет, он вновь проснулся и вздрогнул. Под стеной дома, тяжело дыша и ломая кусты, кто-то пробежал. На несколько секунд вернулась тишина, и вдруг снова торопливые шаги по слякоти и лужам, голоса...

- Где эта падла? Куда он рванул?

- А я почему знаю? Кажись, туда! Вон, погляди, там кусты примяты!..

Голоса принадлежали взрослым парням, и намерения, судя по всему, у них были серьезные. «Если догонят – верняк убьют, – подумал Мишка. – Интересно, за кем это они в такую рань?..»

Раннее происшествие стало коротким, как всплеск упавшего в воду камня, и юноша вскоре снова задремал. А спустя минуту его сердце едва не выпрыгнуло из груди от испуга. Кто-то вбежал в заброшенный дом и заметался по комнатам, разделенным печью и тонкой перегородкой из неструганых досок.

Мозг младшего Протасова в аховых ситуациях всегда врубал полные обороты. Кто-то трусил, тушевался или вообще переставал соображать, кому-то требовалось хотя бы несколько секунд для осмысления. Мишка же всегда находил верное решение очень быстро.

«Если беглеца здесь обнаружат и порежут, то не поздоровится и мне», – осторожно ступая по опилкам, он подошел к пролому.

Рассвет понемногу окрасил небо, крыши городских построек, листву деревьев. Первый свет проник сквозь дыры и в заброшенный дом.

Присев на корточки, Мишка заметил внизу мечущуюся фигуру. То ли мальчуган, то ли щуплый дедок – понять было сложно.

- Эй, слышь! – негромко позвал Мишка.

Незнакомец шарахнулся в сторону, словно ему в голову угодил кулак, и испуганно замычал:

- Ы-и-и!..

- Да не бойся ты! Лезь сюда!

Времени на раздумье не было, и незнакомец протянул руку.

Он оказался на удивление легким, Мишке даже не пришлось сильно напрягаться.

- Прячься! - подтолкнул он незнакомца в угол.

Оба распластались на опилках и затихли...

Вскоре слышались шаги и шорохи - внизу по комнатам кто-то ходил. Несколько раз вспыхивали спички, доносились приглушенные голоса.

Потом неизвестные приблизились к пролому, опять посветили спичками, пошептались. После нескольких секунд возни над проломом медленно поднялась чья-то голова.

Наблюдая за ней одним глазом, Протасов перестал дышать.

Из-за недостатка освещения лица разглядеть он не сумел. Догадался лишь, что голова лысая и принадлежит немолодому мужику. Лет тридцати пяти - сорока.

Поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, мужик осмотрел пространство под крышей и хриплым голосом произнес:

- Опускай. Нет его тут...

* * *

- Ну что, Миха, еще поцыбарим?

- Давай. Последний «бычок» вечером скурил. А ночью без толку искать - все под дождем промокло.

– Верняк...

Пацаны закурили по второй папиресе.

– А ты давно тут кантуешься? – спросил только что спасенный паренек.

– Первую ночь.

– Тут же говном воняет.

– Знаю. Самому противно. Не по вокзалам же шляться!

Знакомец согласился:

– Не, на бане[1 - Бан – вокзал, пристань.] кантоваться не резон. Там сейчас мусоров с патрулями больше, чем блох у дворняги...

Настоящего имени нового знакомого Мишка не знал. Амбал – так он представился, когда миновала опасность. Росту он был маленького, весил килограммов сорок, вот кто-то из воровского мира и пошутил, дав ему такую кличку. На вопросы, от кого убегал и почему, он деловито объяснил: «С пайзой[2 - Пайза – лысина.], что чердак оглядывал, – анархист[3 - Анархист – бывший вор в законе, изгнанный из организованного сообщества за несоблюдение воровских норм.] Васька Швед. Он разок штопор[4 - Штопор – налет, вооруженный грабеж.] затевал на Ордынке, а я там же ходил на особняк[5 - Ходить на особняк – воровать в одиночку.]. Короче, случился шухер – мой фраерок запел[6 - Фраерок запел – крик потерпевшего о помощи.] и поломал Шведу дело. За это Швед пообещал мне протаранить чичи[7 - Протаранить чичи – выколоть глаза.]».

Протасов никогда не общался с шантрапой, однако кое-что из воровского жаргона знал и с горем пополам ухватил смысл рассказа. Правда, не вник в последнюю фразу про «чичи».

– ...Я вообще в людные местечки – ни ногой, – заверил Мишка. – Вот солнце чуток прогреет – пойду другой угол искать. Может, сарай какой разыщу или голубятню.

- Верняк, так и надо. Я б тебя на Малую Андроновскую свел - там моя алюра[8 - Алюра - девушка.] проживает, - сказал Амбал, - да не могу. Ее папаша больно злой на меня...

Солнце поднималось все выше, освещая вымытые дождем улицы посвежевшего города. Пацаны спустились с чердака, осторожно выбрались из заброшенного дома. Оглядываясь и прислушиваясь, прошли пустырем к Дровяному переулку. Тут решили попрощаться.

- Ну, держи краба, - протянул руку Амбал, - ты, Миха, теперь мой корень.

Тот пожал руку и, прежде чем направиться в свою сторону, спросил:

- Слушай, а мелочи у тебя не найдется?

Вопрос был необычным. Юный бандит нахмурился.

- Я не просто так прошу, - поспешил объясниться Протасов. Вынув из кармана фотокарточки, он показал их новому приятелю.

- Вот. Могу продать задешево.

Амбал усмехнулся и принялся рассматривать голых женщин.

- Старые. Затертые, - оценил он через минуту. - На трешке сойдемся?

Цены после начала войны начали расти. Однако на три рубля можно было затариться ржаным хлебом и еще прикупить папирос.

Мишка быстро согласился:

- Давай!

- Не шурши граблями, а шелести рублями. - Амбал с улыбкой протянул ему трешку.

Получив деньги, Протасов помчался в ближайший магазин...

Глава пятая

Москва; июль 1945 года

Короткая июльская ночь заканчивалась, над восточной окраиной столицы занималась заря. Появились дворники в светлых холщовых фартуках и в таких же рукавицах, за углом прогрохотал первый трамвай. Простые горожане в этот ранний час еще спали, а в окнах Управления Московского уголовного розыска уже горел свет.

Ивана Харитоновича ждать не пришлось – он прибыл в Управление почти одновременно с основной группой. По его мрачному лицу подчиненные поняли: жертва нападения не выжила.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бан – вокзал, пристань.

2

Пайза – лысина.

3

Анархист – бывший вор в законе, изгнанный из организованного сообщества за несоблюдение воровских норм.

4

Штопор – налет, вооруженный грабеж.

5

Ходить на особняк – воровать в одиночку.

6

Фраерок запел – крик потерпевшего о помощи.

7

Протаранить чичи – выколоть глаза.

8

Алюра – девушка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharapov_valeriy/chelovek-v-bezlyudnoy-arke

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)